

Духовные отцы не подчинялись никому, включая митрополита, а с 1589 г. патриарха.

Между тем именно духовный отец (а не приходской священник) учил «втайне», т. е. с глаза на глаз, свое чадо уму-разуму, исповедовал его, в зависимости от прегрешений налагал соответствующую епитимью, допускал к причастию (таинство причащения, естественно, совершал на литургии священник). Иначе говоря, духовное руководство было распределено между институтом духовного отцовства и церковью. Церковь окормляла народ церковный, паству, стадо в целом; духовные отцы руководили каждым человеком в отдельности. Существовал даже особый жест, подчеркивающий важнейшую роль духовных отцов: во время исповеди чадо возлагало правую руку «на выю отца». Этот жест как раз и символизировал, что духовник «взваливает себе на шею» грехи сына или дочери. Жест символизировал полную нравственную ответственность. На тот свет надлежало являться духовной семьей в полном составе: «Се аз, господи, а се мои дети».

«Бунташный» XVII век, эпоха первых Романовых, — это век кризиса духовного отцовства. «Соправитель» Петра I, царь Иван Алексеевич (ум. в 1696 г.), — последний из русских монархов, у которого был постоянный и что-то для него значивший духовный отец. Младший же брат от постоянного духовника отказался. Старинный институт хирел и вымирал. Исповедником становился именно приходской поп.

Все это — не мелочи. Это решительные, структурные изменения в духовном устройении русского общества, в процессе которых относительная духовная независимость русского человека была принесена в жертву — сначала церкви, потом государству. Раскол в большой мере есть тяга к утраченной независимости и тоска по ней. Недаром раскол, если можно так выразиться, начался задолго до раскола, лет за тридцать до пресловутой «памяти» патриарха Никона, которая была разослана по московским церквам в Великом посту 1653 г. и предписывала троеперстное крестное знамение. Имею в виду проповедь Капитона, Вавилы и др. Все они «погордевают» священством, реформируют обряд в аскетическом духе, устраивают тайные лесные Фиваиды, т. е. решительно противопоставляют себя церкви. Их безрадостную проповедь и практику самоуморения ни социальными, ни конфессиональными причинами не объяснить. Надлежит также иметь в виду те самоожжения, которые не вызывались прямым насилием, а были следствием эсхатологического отчаяния (пришли «последние времена», последнее православное царство выкуплено дьяволом). Напомню, наконец, о зародившихся практически одновременно с расколом мистических движениях, прежде всего о «христовщине», или — в уничтожительной огласовке — «хлыстовщине». Если у нее и были западные, идущие от протестантского мистицизма импульсы, все же «христовщина» органична для русского церковного кризиса. Ее «корабли» возглавляются «лжехристомужами»: кто-то из них называл себя Христом, кто-то Саваофом (женщины — «богороди-